

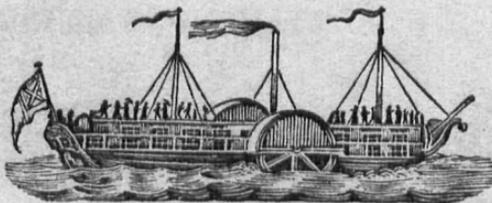
ЗАПИСКА

О

ПЛАВАНИИ ПАРОХОДА

ПЕТРЪ ВЕЛИКІЙ

ТАВРИЧЕСКИМЪ И ВОСТОЧНЫМЪ
БЕРЕГАМЪ ЧЕРНАГО МОРЯ.



ОДЕССА.

ВЪ ГОРОДСКОЙ ТИПОГРАФИИ.

1836.

CR
10989



~~21666~~
~~11~~

ЗАПИСКА

**О ПЛАВАНИИ ПАРОХОДА ПЕТРЪ ВЕЛИКІЙ
КЪ ТАВРИЧЕСКИМЪ И ВОСТОЧНЫМЪ
БЕРЕГАМЪ ЧЕРНАГО МОРЯ.**

ИМПЕРАТОРСКАГО

ОБЩЕСТВА ИСТОРИИ

И

ДРЕВНОСТЕЙ РОССИЙСКИХЪ.

Отд. II. № 226.

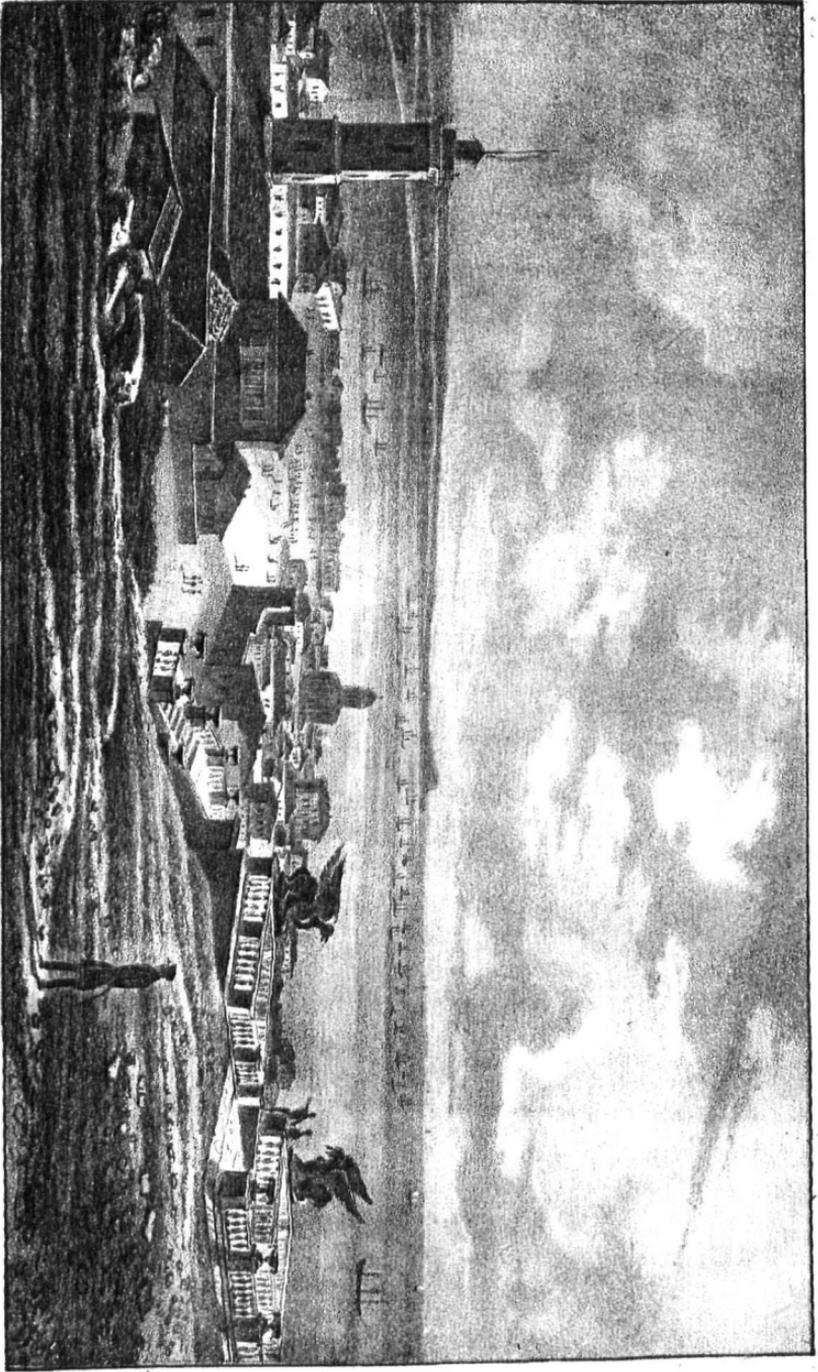
MK XII. A. 45
8



Востокъ моря. Ст. Мурманскъ.

ВИДЪ ПОРОДНА КРЕПЧМ.

Востокъ моря.



Записка

о

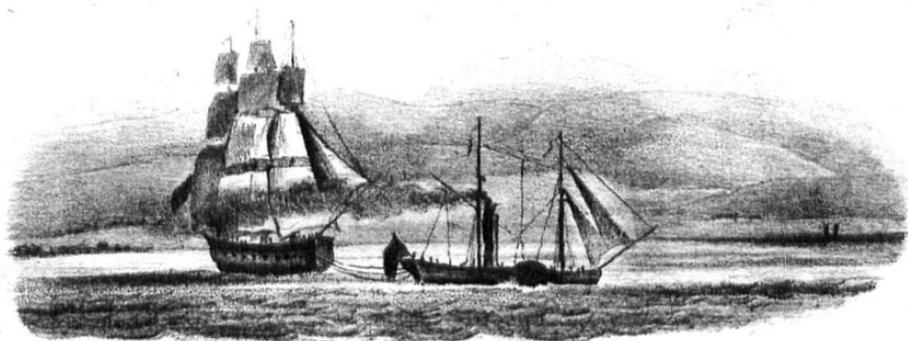
ПЛАВАНИИ ПАРОХОДА

ПЕТРЪ ВЕЛИКІЙ

**КЪ ТАВРИЧЕСКИМЪ И ВОСТОЧНЫМЪ
БЕРЕГАМЪ ЧЕРНАГО МОРЯ.**

—
соч.

А. СКАЛЬКОВСКАГО.



128-0.0821

ОДЕССА.

ВЪ ГОРОДСКОЙ ТИПОГРАФИИ.

1836.



15829-45

Съ Высочайшаго соизволенія Е го Императорскаго Величества, данъ былъ въ распоряженіе Графа М. С. Воронцова корветтъ Ифигенія, на которомъ Е. С. послѣтилъ въ Юль мѣсяцъ нынѣшняго года, восточные берега Чернаго моря, въ сопровожденіи парохода Пейпръ Великій. Имѣвъ честь угостовать въ этой поѣздкѣ, я съелъ полезнымъ отпечатать отдѣльнаго брошурою, журналъ мой, помѣщенный въ NN. 94, 95, 96, 97 и 98 Одесскаго Вѣстника текущаго года. Я думаю, что весьма моимъ спутникамъ пріятно будетъ сохранить память, объ этомъ пріятномъ и занимательномъ странствованіи.

Одесса, 4-го Декабря, 1836.

Описание конторы в г. М. в 1818 г.
1. В конторе в г. М. в 1818 г.
2. В конторе в г. М. в 1818 г.
3. В конторе в г. М. в 1818 г.
4. В конторе в г. М. в 1818 г.
5. В конторе в г. М. в 1818 г.
6. В конторе в г. М. в 1818 г.
7. В конторе в г. М. в 1818 г.
8. В конторе в г. М. в 1818 г.
9. В конторе в г. М. в 1818 г.
10. В конторе в г. М. в 1818 г.

ПЛАВАНІЕ ПАРОХОДА „ПЕТРЪ ВЕЛИКІЙ“ ИЗЪ
ОДЕССЫ КЪ ТАВРИЧЕСКИМЪ И ВОСТОЧНЫМЪ
БЕРЕГАМЪ ЧЕРНАГО МОРЯ И ОБРАТНО.

— * —

9-го Іюля, Четвертокъ. — Въ 12 $\frac{1}{2}$ часовъ утра, пароходъ *Петръ Великій*, взявши большой грузъ товаровъ и множество пассажировъ, слѣдовавшихъ въ Ялту, Феодосію и Керчь, поднялъ якорь и, при легскомъ ZZO, отправился изъ Одесскаго порта. Всѣмъ извѣстна быспрота и отличное устройство этого парохода. Въ этотъ разъ, какъ и прежде, онъ вполне оправдалъ доброе о себѣ мнѣніе. Не смотря на немовѣрное количество груза и усилившейся въ скоромъ времени противный вѣтеръ, онъ дѣлалъ ошъ 5 $\frac{1}{2}$ до 8 $\frac{1}{2}$ миль въ часъ. Въ 5 часовъ по полудни, сосѣдніе съ Одессою берега исчезли уже изъ виду, а въ 11 $\frac{1}{2}$ часовъ мы были на праверзѣ Тарханкутскаго маяка, котораго, какъ одинокая звѣзда, свѣпилъ намъ среди ночи и моря. Черезъ нѣсколько часовъ, и этотъ путеводный огонекъ сокрылся изъ виду, а къ развѣсу пароходъ

пролежѣлъ большую половину пути отъ Одессы къ Ялтѣ. Онъ несся такъ быстро, что мнѣ невольно впадало на мысль, будто въ наше время выполняются на-дѣлъ рассказы волшебныхъ сказокъ о кеврѣ-самолѣтѣ.

10 го Іюля, Пятница. — Берега Крымскаго полуострова открылись намъ съ ранняго утра, и вмѣстѣ съ эними прелестными картинами природы, явился къ намъ, незванный гость, ужасная качка. Качка дѣло важное для не-моряковъ, бдущихъ въ Крымъ какъ въ загородную дачу; она еще болѣе усилилась, когда съ налетѣвшимъ попутнымъ вѣтромъ, поставлены были паруса. Мы такъ измучились этой качкой, что и дамы, и всѣ вообще пассажиры съ радостью услышали гостепріимные салюты изъ Алупки и Мисхора, лучшихъ дачъ на южномъ берегу Крыма. Въ 3 часа по полудни, мы бросили якорь на *Ялтсколѣ* рейдѣ. Плаваніе наше продолжалось 26-ть часовъ, и въ это время мы совершили 228½ миль. Я не вѣрилъ своимъ глазамъ: куда дѣвалась эта ничтожная Татарская деревушка, копорая такъ ужасала меня въ 1829 году? Теперь, вмѣстѣ съ четырьмя полуразрушенными, покрытыми виноградниками избѣ, предъ нами развернулся красивый городокъ изъ 40 каменныхъ домовъ.

Корветтъ *Ифигенія*, подъ командою капитанъ-лейтенанта Пупалина, нѣсколько времени стоялъ уже на здѣшнемъ рейдѣ. Графъ М. С. Воронцовъ и графъ Н. О. Виттъ ожидали только прибытія парохода и его разгрузки, чтобы немедленно отправиться въ дальнѣйшій путь.

Пассажиры парохода вышли на нѣсколько часовъ на берегъ. Теперь, это можно было сдѣлать очень легко, потому-что многіе десятки Греческихъ, Ариатскихъ и Татарскихъ барказовъ развѣзжали по рей-

ду; у берега устроены были двѣ порядочныя пристани, весьма удобныя для выгрузки шоваровъ. Бывало, недалеко, какъ лишь за 6-иь или за 7-мь, машрозы, съ трудомъ добравшись къ берегу, кидались въ воду, и на плечахъ переносили насъ на сушу.

Въ то время, когда мы были на берегу, пароходъ запасался угольями; на него нагружались пожитки, шовары, и со всѣхъ сторонъ свозили пассажировъ; это продолжалось до 8 часовъ вечера. Когда всё было уложено и пары разведены, графъ Воронцовъ прибылъ на пароходъ и замѣтивши, что все было исполнено, согласно его приказаніямъ, и что *Петръ Великій* готовъ къ отплытдю, съѣлъ на корвешнѣ и подалъ знакъ къ отплытію.

Въ 9 часовъ вечера, якоря были подняты, и пароходъ подошелъ къ корвешну, чтобы взять его на буксиръ. По данному сигналу, два барказа подвели огромные канаты; машрозы всягнули ихъ на пазубу, завязали, и *Петръ Великій*, съ этой почетною, хоть и не совсѣмъ удобной ношею, мужественно пустился въ дорогу. Насупившая ночь сокрыла отъ насъ берега, даже самыя близкіе, и усталые глаза наши снова обратились на пароходъ.

Путешествующее общество наше было довольно велико. Кромѣ морскихъ офицеровъ, экипажа и прислуги, въ эпоху разъ, по моему счету, было соединено на корветѣ и пароходѣ болѣе 40 особъ обоего пола. Не поварачивая еще къ востоку, мы должны были обогнуть весь южный берегъ Крыма и достигнуть до самаго входа въ Азовское море, а потому путь нашъ лежалъ по направленію къ Феодосіи. Пароходъ двигался очень тихо; его спущникъ и противные вѣтры замедляли плаваніе. Мы прошли въ виду Масаидры, Гурзуфа, и только въ полночь успѣли обогнуть мысъ Аюдагъ.

11-го Юля, Суббота. — Въ 4 часа утра, всѣ пассажиры были уже на ногахъ; всѣ смотрѣли на постепенно-уходившіе отъ насъ берега полуострова. Въ это время мы были проплавъ *Алушты*, славной своими развалинами и виноградниками, и въ 7 часовъ утра, поровнялись съ *Судакскою долиною*. Графъ Воронцовъ и графъ Вишинъ перешли съ корветка на пароходъ, и остались на немъ во весь день. Въ 8 часовъ утра, мы были у входа въ Миганонскую бухту, обширную, глубокую и довольно защищенную отъ вѣтровъ мысомъ того-же имени. Здѣсь мѣсчоположеніе теряетъ уже всю прелесть южнаго берега, становится пустынно и безлѣсно; бесплодіе увеличивается болѣе и болѣе, и только видъ горъ, простирающихся отъ хребта Яйлы, нѣсколько оживляетъ картину.

Въ 9 часовъ утра, *Ифигенія* развернула всѣ свои парусы, и доставила намъ прекрасное зрѣлище: ловкость экипажа, быспрота перемѣвъ, при совершенной тишинѣ, когда все повинуется только волшебному призыву свистковъ, все это было для насъ, неморляковъ, ново и занимательно. Пароходъ, получивши итакое облегченіе, помчался съ свойственнымъ ему быспротою, такъ что въ $11\frac{3}{4}$ часовъ утра, мы были въ *Каготламской бухтѣ* ('). Эта бухта столь выгодна,

(') » Въ смежности съ *Оеодоссійскимъ* рейдомъ, на юго-западной его сторонѣ, находится *Каготламскій* рейдъ, между мысомъ *Каготламомъ* и *Оеодосією*, отстоящими одинъ отъ другаго $NO \rightarrow N$, $ZW \rightarrow Z$. въ $6\frac{1}{2}$ верстахъ, въ бухтѣ, вдавшейся внутрь берега на 3 версты. Глубина при входѣ въ бухту, по срединѣ между мысами, 15-ть саж.; далѣе внутрь къ берегамъ уменьшается на $\frac{1}{2}$ версты 7 саж. Грунтъ иловатый и близъ береговъ песчаный. По всей бухтѣ можно шлопть на якорь, въ закрытіи съ моря отъ $NO \rightarrow N$ чрезъ N до ZZW ; если же судно сплещетъ на якорь въ ZW части бухты, за мысомъ *Каготламомъ* вблизи берега, то будетъ закрыто съ моря отъ Z и ZW вѣтра. — Изъ свѣдѣній, доставленныхъ *Черноморскимъ гидрографическимъ депо*.

по глубинѣ и мѣстоположенію, что назадъ пому два мѣсяца, пароходъ *Петръ Великій* нашелъ здѣсь безопасное убѣжище отъ застигшаго его шторма.

Въ самый полдень открылись предъ нами соединеніе съ *Теодосією* мысы, попомъ развалины, разположенныя на скалѣхъ горъ; еще одинъ часъ, и мы подошли къ *Теодосійскому* рейду. *Корветтъ*, снявши свой буксиръ, пошелъ впередъ и сталъ въ приличномъ отдаленіи отъ берега. *Графъ Воронцовъ*, *графъ Виттъ* и *Таврической гражданскій губернаторъ*, тайный совѣтникъ *Казначеевъ*, вышли на берегъ, при громѣ орудій съ брига, занимающаго брандвахтенный постъ, и другихъ судовъ. На берегу, *графъ Воронцовъ* былъ встрѣченъ *Теодосійскими* жителями, и путешественники съ трудомъ могли обратиться сквозь толпы бѣгущаго со всѣхъ сторонъ народа.

Пароходъ совершилъ 80 миль, отъ *Ялты* до *Теодосіи*, въ 16 часовъ.

Между тѣмъ, мы пустились осматривать этотъ замѣчательный въ Исторіи городъ; посетили музей, наполненный древними *Генуэзскими* памятниками съ изображеніемъ гербовъ дожей, *Кефскихъ консуловъ*, папъ и самаго города; въ музей сохраняются найденные здѣсь небольшіе остатки статуи и нѣсколько надписей, относящихся къ до-итальянскимъ временамъ *Теодосіи*. Послѣ того мы обратились къ развалинамъ, которыя въ особенности привлекли наше вниманіе. Художники, участвовавшіе въ этомъ путешествіи, и вся наша археологическая братья съ благоговѣніемъ, какъ на святыню, смотрѣли на эти гробницы, завѣщъ мнущаго времени. Ихъ не много, да и тѣ въ жалкомъ положеніи: онѣ построены изъ матеріала нешвердаго и подвержены всѣмъ ударамъ сокрушительнаго времени. Но обширный амфитеатръ могилъ и овраговъ (если можно такъ выразиться), за-

нимаемыхъ нынѣшнимъ городомъ, составляетъ лучший памятникъ Θεодосіи. Здѣсь сохранилась еще одна Генуэская мостовая изъ твердаго гранита, одинъ домъ во вкусъ среднихъ вѣковъ, съ желѣзными балконами у всякаго окна и съ висячею галлерейкою, и наконецъ нѣсколько башенъ и часовъ городскихъ спѣвъ. Θεодосійскій портъ весьма хорошъ. Жаль только, что при измѣнившемся направленіи Европейской торговли, древняя торговля этого порта вовсе почти уничтожилась. Трудно боролся противъ подобной исторической судьбы.

Въ 8 часовъ вечера всѣ собрались уже на пароходъ. Графъ Воронцовъ опривился на корветтѣ, который, пользуясь въпрямъ, пошелъ впередъ безъ помощи буксира. Намъ подавъ былъ сигналъ: «держаться въ кильватерѣ корветта», и мы пошли вслѣдъ за нимъ. Это былъ первый, и едва-ли не послѣдній въ этомъ путешествіи случай, что *Ифигенія* пробиралась по волнамъ на собспивенныхъ своихъ крыльяхъ. Въ минуту отплытія, гостепріимный городъ запылалъ потѣшными огнями; ярко освѣщенные горы и развалины сверкали какъ звѣзды; на судахъ сжигали красивые фейерверки, и при заревѣ этого живаго огня, мы весело и беспрочно выходили изъ Θεодосійскаго рейда.

Всю ночь мы шли довольно скоро; *Петръ Великій*, при самомъ маломъ количествѣ паровъ, дѣлалъ отъ 7 до 8½ узловъ, и не спѣшилъ, чтобы не обогнать *Ифигеніи*. Въ эту ночь, многіе изъ насъ видели ночные сигналы моряковъ, что показалось намъ очень занимательно.

12 го Іюля, Воскресенье. — Погода была тихая, прекрасная; вѣтеръ, донынѣ благопріятствовавшій намъ, сталъ постепенно ослабѣвать, и потому корветтъ, слявши часть своихъ парусовъ, подалъ намъ буксиръ, и въ такомъ видѣ приблизился къ Керчи.

Въ 5 часовъ утра, мы были у камня *Эльганъ*; это скала, весьма замѣчательной формы, стоящая среди моря, довольно далеко отъ береговъ. Послѣ того, мы обогнули разные мысы: *Кара-бурунъ*, *Кальшъ-бурунъ*, и др.; наконецъ явился Босфорскій проливъ, покрытый множествомъ судовъ, сплывшихъ въ Керчь или въ Таганрогъ. Въ 10 часовъ утра, мы подошли къ Керченскому рейду, усѣянному судами, выдерживавшими карантинную обсервацию. Графъ оставилъ корветшикъ, пребывавшій бѣлшей глубины, и приблизился на пароходѣ къ порту. Керчь - Еникальскій градоначальникъ, князь Херхеулидзе, прибылъ на каперъ для встрѣчи графа, и сопровождалъ его до города. Тутъ ожидали его наказный атаманъ Черноморскаго войска, генералъ-маіоръ Завадовскій, множество чиновниковъ, иностранныхъ купцовъ, Ногайцевъ, Ташаръ, и пр.

Пароходъ *Петръ Великій* долженъ былъ запасаться здѣсь углями на всю дорогу; при томъ-же, онъ упошребилъ довольно времени на выгрузку бывшихъ на немъ товаровъ, адресованныхъ въ Керчь, и все это заставило его пробывать въ этомъ городѣ цѣлыя сутки. Путешественники воспользовались этимъ временемъ для осмотра богатаго Керченскаго музея, Мишидашовой горы, золотого кургана и другихъ остатковъ древности; послѣ того ходили поклониться праху извѣстнаго археолога Стемпковскаго; присутствовали при открытіи одной древней гробницы, и многіе изъ нихъ ѣздили въ Еникальскую крѣпость, чтобы отсюда взглянуть на Азовское море.

Мнѣ въ первый разъ еще пришлось посѣтить Керчь⁽²⁾, и пошуму не могъ всмотрѣться въ нее какъ

(2) Смотри картинку N. 1-й.

слѣдуетъ ; но судя по малому количеству старыхъ жилищъ и множеству новыхъ, правильныхъ, каменныхъ зданій, я могъ полагать, что эпопѣ городъ, одушевленный заботливымъ правительствомъ и торговлею, быстро подвигается впередъ, тѣмъ болѣе, что ему дана нѣкоторая жизнь только съ 1828-го года. Окрестности Керчи непривлекательны ; эпо глухая, необработанная степь, кой-гдѣ покрывшая курганами.

13-го Іюля, Понедѣльникъ. — Всю ночь и слѣдующее утро мы провели въ Керчи; пароходъ взялъ до 11.000 каменнаго угля, и погрузился слишкомъ глубоко ; мѣшки съ углемъ лежали даже на палубѣ. Я могъ удостовѣриться теперь, что еслибъ не затрудненія, встрѣчаемыя въ перевозкѣ угля или доставкѣ его въ разные пункты, то пароходы могли бы оказывать невѣроятныя услуги мореходству, торговлѣ и общежитію. Къ 3 часамъ по полудни, все было готово : припасы, пассажиры и пожитки ихъ были уложены на пароходъ. Въ 4 часа, графъ Воронцовъ перѣхалъ на корветъ, который, снявшись съ якоря и прицѣпясь къ подошедшему къ нему пароходу, ровно въ 5 часовъ вышелъ изъ Керченскаго рейда. Мы пустились назадъ, вдоль пролива, направляя свой путь къ Анапѣ ; только опшуда должна была начаться для насъ самая любопытная часть нашего плаванія. Сначала мы шли, безъ помощи вѣтра, хотя довольно медленно, но спокойно ; за то, въ ночь, вѣтеръ такъ посвѣжѣлъ, что мы съ трудомъ могли держаться на палубѣ колеблющагося парохода. Я говорю это только о насъ, гостяхъ на морѣ ; что же касается до матрозовъ и гардемаринновъ, то они преспокойно дремали на салюгахъ. Среди завывающаго вѣтра, при песчаной качкѣ и пронизательной сырости, мы провели самую непріятную ночь.

14-го Іюля, Вторникъ. — Миновавъ проливъ и взявши румбъ нѣсколько далѣе къ О, мы приблизились къ противоположнымъ ошъ Керчи берегамъ. Предъ нами открылся *Бугазъ*, на ушьѣ Кизильшашскаго лимана, съ опустѣвшимъ мѣновымъ дворомъ; далѣе, по отдаленности, мы не могли почтѣе разсмотрѣть этого берега.

Съ первыми лучами восходящаго солнца, покрытаго легкими тучами, явились въ отдаленіи берега Азіи. Въ 5 часовъ утра, мы увидѣли песчаный, оплогій берегъ, отдѣлявшій Бугазъ ошъ Анапы; вдали рисовалась постепенно-возвышающаяся, дикая, гористая страна; на краю горизонта синѣли холмы и курганы. Здѣсь уже начинается зелень, но лѣсовъ, скалъ и горъ еще не видно.

Въ 6 часовъ утра, мы кинули якорь на рейдѣ *Анапы*. Съ этой крѣпостью, знаменитою въ нашихъ лѣтописяхъ послѣднихъ временъ, связаны имена Гудовича (1791), Ришельё (1807—1812), Меншикова (1828); оно считается грозю горскихъ народовъ. Мы не удалось однакожь, видѣть Анапы, потому что съ парохода можно почти не съезжалъ на берегъ, кромѣ пассажировъ, назначенныхъ въ эту крѣпость.

На здѣшнемъ рейдѣ стояла шкуна *Вѣстовой*, прикомандированная ошъ Черноморскаго флота къ графу И. О. Виттву. Эта шкуна, наканунѣ нашего пріѣзда въ Ялту, отправлена была отсюда прямо въ Анапу. Графъ Виттъ остался однакожь на корветѣ, а шкуна отправилась далѣе къ востоку, чтобы не терять благопріятнаго вѣтра.

Въ 9½ час. утра, мы снялись съ якорей и пошли параллельно съ Черкесскими берегами, удаляясь отъ нихъ не болѣе 4-хъ или 6-ти миль. Ошъ Керчи до Анапы считается (прямымъ путемъ) 60 миль; мы прошли это пространство въ 13 часовъ. Для паро-

хода это не много, но излишняя тяжесть груза крайне замедляла его движение.

Отсюда началось для нас самое приятное странствование. Вскорь представлялась нам картина великолѣпная, единственная въ своемъ родѣ, или, лучше сказать, цѣлая галерея прелестныхъ видовъ. Только что двинулись мы вдоль восточныхъ береговъ Чернаго моря, и уже не могли надивиться богатству природы Кавказскаго пояса; чтожь будетъ далѣе?

Обогнувъ мысъ *Иссусуръ*, весь покрытый зеленью, мы не забоялись уже о времени, пораженные прелестными картинами природы. Въ $4\frac{1}{2}$ часа по полудни, при совершенной тишинѣ, мы вошли въ бухту *Суджукъ-Кале*; она отсюда окружена горами и сѣдлешвенно защищена отъ вѣхъ почти вѣтровъ; но когда солнце сойдетъ съ горизонта, цѣлые ураганы бѣгутъ изъ горныхъ ущелій, и до такой степени колеблютъ море, что бухта превращается какъ-бы въ котель съ кипящею водою. Приблизившись къ берегу, мы не могли замѣнить стараго укрѣпленія *Суджукъ-Кале*, потому что оно находилось далѣе, въ лѣсу. Часть лѣса, параллельная съ бухтою, совершенно выжжена, и на ней стоитъ окопанный со вѣхъ створъ, обширный лагерь, въ которомъ расположенъ отрядъ генерала *Вельялинова*, пришедшаго изъ за Кубани. На рейдѣ мы увидѣли Русскую эскадру, крейсерованную на здѣшнихъ водахъ; она состояла изъ фрегата *Штандартъ* ⁽³⁾, одного корветта, двухъ бриговъ и двухъ мелкихъ судовъ, чинѣ составляло цѣлую линію, подъ командою контръ-адмирала *Патаніоти*, имѣвшаго свой флагъ на *Штандартѣ*.

Только что бросили мы якорь, какъ начались

(3) На этомъ самомъ фрегатѣ графъ М. С. Воронцовъ вздѣлъ въ 1828-мъ году подъ Варну.

взаимные салюты между *Ифигенією*, эскадрою и крепостью. Къ намъ стали подъезжать разные каперà ; вскорѣ командиръ дѣйствующихъ войскъ на Кавказской линіи, генералъ-лейтенантъ *Вельяминовъ*, съ адмираломъ и блестящимъ штабомъ, подъѣхалъ къ корвету и просилъ графа посѣпить лагерь.

Немедленно смущены были съ обонхъ судовъ янки, и все наше общество вышло на берегъ. У самой пристани разбита была красивая, пріемная палатка, вкругъ которой собралось множество офицеровъ. Гости были встрѣчены хоромъ пѣсенниковъ и музыкой. Храбрый оприядъ, не сообщаясь съ нами, угостилъ насъ такимъ зрѣлищемъ, какого навѣрное многіе изъ насъ никогда не видали и, вѣроятно, не встрѣтятъ уже въ другой разъ. Войскà, еще покрыпынылыю и порохомъ, пробравшись съ оружіемъ въ рукахъ сквозь враждебныя горы, заняли *Суджукъ-Кале* недѣли двѣ назадъ, и теперь основываютъ здѣсь новую крепость. Для удержанія своей позиціи, онѣ должны быть очень осторожны, и всегда готовы къ бою, потому что имѣютъ дѣло съ непреклоннымъ, дикимъ народомъ горцевъ, которые не въ числѣмъ полѣ, не при свѣтѣ солнечныхъ лучей а изъ за кустовъ и камней, прикрываясь темною ночью, посылаютъ градъ пуль и смерти въ наши колонны. Труды и опасности этого оприяды привлекли къ нему цѣлые сонни охотниковъ изъ многихъ знатныхъ русскихъ фамилій и изъ всѣхъ почти гвардейскихъ полковъ.

Окруженный этимъ воинственнымъ обществомъ, графъ *Воронцовъ* и сопровождавшіе его путешественники (сохраняя, впрочемъ, во всей строгости карантиныя предосторожности) перешли рѣчку и всступили во внутренность лагеря. Мы, осматривали его во всѣхъ подробностяхъ ; удивлялись ловкости и молодечеству *Черкесовъ* и *Линейцевъ*, скакавшихъ по

лагерю па своихъ чудесныхъ горскихъ лонадяхъ, и глядѣли на верблюдовъ — этихъ транспортныхъ кораблей пустыни. Вечеромъ, мы напились чаю подлѣ калмыцкой юрты, служившей столовою длѣ офицеровъ; наконецъ, быспро наступившая темнота почи заставила насъ проеиниться съ лагеремъ. Въ это время мы получили печальное извѣстiе: графу М. С. дали знать, что на пароходѣ открылась печь; такъ и обдало насъ холодомъ при этой неожиданной вѣспи! Но опасенiе наше было вовсе напрасно: течи не было. Однакожъ, на всякiй случай, корветштъ отправилъ часть своего экипажа для дѣйствiя помпани и другихъ работъ. Они выкачали воду, осмопрѣли судно и машину и узнали, что излищия шяжестъ груза (по причинѣ большаго количествва угля), замедляя дѣйствiе паровой машины, наполняла иногда ея насосы бѣльшимъ нежели обыкновенно спюлбомъ воды.

Пожелавъ опрiяду успѣха въ военныхъ дѣйствiяхъ и совершеннаго здоровья, мы поспѣшили опъездомъ, попому что вѣшеръ начиналъ уже завывашь въ горахъ, покрытыхъ съ 8-ми часовъ вечера густымъ шуманомъ. Чшобы дать опдыхъ успалымъ экипажамъ, мы простояли на якоряхъ бѣльшую часть ночи въ этой прекрасной бухтѣ, и вполне насладились качкою, потому что пароходъ подбрасывало волнами какъ соломенку.

15-го Июля, Среда. — Въ 3 часа по полупочи пары были разведены въ машинѣ. Взавии корветштъ на буксиръ, мы силлись съ якоря въ $5\frac{3}{4}$ часа, при свѣжѣмъ NO. Хотя небо было покрыто тучами, но жаръ начался съ самаго развѣща, такъ что въ 7 часовъ утра, мы не могли уже оставашься на палубѣ, не раскшнувъ памена. Переѣздъ опъ Суджукъ-Калѣдо *Геленджика*, всего 10 миль (прямымъ путемъ), мы сдѣлали такъ скоро, что въ 7 часовъ утра пароходъ входилъ уже въ чудесную, совершенно защи-

щепную бухту у Геледжижской крѣпости. На рейдѣ стоятъ корветы *Силистрія*, бригъ *Пегазъ* и еще нѣсколько мелкихъ судовъ. Мы вышли на берегъ, когда еще ни на эскадрѣ, ни въ крѣпости не знали кѣмъ мы, и откуда зашли въ эти воды? Геледжижъ похожъ на деревню, обнесенную высокою стѣною изъ земли и палисадовъ, съ небольшими насыпями по угламъ, на которыхъ устроены башни.

Вступивши въ крѣпость, мы встрѣтили въ ней только часовыхъ и дежурнаго офицера: другіе еще спали; этотъ офицеръ былъ первымъ нашимъ проводникомъ. Черезъ нѣсколько времени начали подходить къ намъ ропные и батальонные командиры, а наконецъ и самъ комендантъ инженеръ-полковникъ *Мокиевскій*, недавно переведенный сюда изъ *Фанагоріи*.

За стѣнами крѣпости, по теченію одной рѣчки, устроены огороды и тутъ же, у подошвы горы, расположено довольно обширное кладбище. Въ Геледжижъ живеть еще предшественникъ нынѣшняго коменданта, начальствовавшій довольно долго этимъ пунктомъ. Онъ разсказывалъ намъ какъ трудны сообщенія въ горахъ и по берегу, какъ опасны экспедиціи, какъ враждебны еще Русскимъ соседнія племена, отъ чего много терлеть здѣшняя мѣновая торговля.

Въ 8½ часовъ утра, мы снялись съ якорей, и прежнимъ порядкомъ отправились вдоль береговъ, по направленію къ *Пшади*, селенію при устьѣ рѣчки того же имени. Торговцы отзываются объ этомъ мѣстѣ съ весьма выгодной стороны; оно еще не занято русскимъ гарнизономъ. *Пшади* отстоитъ отъ Геледжижа на 12 миль.

Видъ берега нѣсколько измѣняется здѣсь, и растительность увеличивается въ красотѣ и силѣ. Вся горы сплошь покрыты лѣсомъ; только кой-гдѣ замѣшны небольшія лощины, засѣяныя просомъ или

покрытыя скошеннымъ сѣномъ. Въ зрительныя трубки, мы видѣли какъ нѣсколько человекъ, разумеется вооруженныхъ, спокойно занимались полевыми работами или выглядывали изъ довольно многочисленныхъ ауловъ, расположенныхъ въ долинахъ. Каждая изъ этихъ долинъ отдѣлена отъ берега молодымъ лѣсомъ, поросшимъ очень густо. Тутъ (въ первый разъ), въ 7 миляхъ отъ Геленджика, замѣнили мы среди деревьевъ, на берегу, нѣсколько судовъ, прикрытыхъ сухими и зелеными вѣтвями. Вѣроятно, это были купеческія суда, ведущія торгъ съ Черкесами, вѣроятно отъ нашихъ крейсеровъ. Черкесы, кажутся поставленные на стражъ, замѣчая приближеніе нашего корвешта, потчасъ уходили въ лѣсъ, но видя, что наши башнарен молчатъ, не только показывались на берегу цѣлыми кучами, но даже палили изъ ружей, чтобъ показать свое удалство. Нерѣдко видны были всадники, совершенно вооруженные, скакавшіе во всю прыть на своихъ горскихъ лошадяхъ, болшею частію бѣлыхъ и перослыхъ. Но чего бы не дали знапки, чтобы имѣть въ своихъ заводахъ этихъ перослыхъ и невидныхъ собою, но огненныхъ лошадей?

Въ 12 часовъ и 5 минушъ мы поровнялись съ Пшади, и вполне убѣдились въ справедливости похвалъ, приписываемыхъ этой бухтѣ г-мъ Тетбу-де-Мариши: она чрезвычайно глубока и защищена горами отъ северныхъ и сѣверо-восточныхъ вѣтровъ. Слѣдовавшая за нами въ отдаленіи шкуна *Вѣстовой*, напрасно завировала при совершенномъ безвѣтріи, и никакъ не могла приблизиться ни къ берегу, ни къ корвешту. Здѣсь мы потеряли ее изъ виду и послѣ того не встрѣчали уже у Черкесскихъ береговъ ⁽⁴⁾. Въ этихъ мѣстахъ мы

⁽⁴⁾ Шкуна *Вѣстовой*, подъ командою лейтенанта Казарскаго, застигнутая штилемъ, не могла сначала слѣдовать за парходомъ. Впоследствии, какъ мы узнали, она прошла, хоти

слова замѣнили какой-то бригъ, выпущенный на сушу и запряженный въ роицъ, довольно далеко отъ берега.

Въ $1\frac{3}{4}$ часа по полудни, мы подошли къ широкой и глубокой бухтѣ, у мыса *Вуланъ*, а въ $3\frac{1}{2}$ ч. достигли мыса *Кодосъ*. Мы не посѣтили этихъ мѣстъ, потому что они не были заняты русскимъ гарнизономъ. Лѣса становящяся здѣсь величественнѣе, и зеленѣе, не смотря на палящее солнце, все гуще и свѣжѣе; горы примѣнно возвышаются, и по берегамъ чаще вѣдѣются скрышыя суда. Невольно приходишь на мысль, что эти горы должны быть очень населены, когда промышленники рѣшаются вести съ здѣшними жителями такую дѣлательную и опасную торговлю; выгоды, извлекаемыя этими промышленниками, должны быть также чрезмѣрно велики, когда столько людей, участвующихъ въ этихъ промыслахъ, подвергаютъ опасности свою жизнь и имущество и рѣшаются выносить такіе безмѣрные труды для перепаскиванія на песчаные берега огромныхъ судовъ. Многіе изъ нашихъ спутниковъ увѣряли насъ, что большая часть задержанныхъ крейсерами судовъ были нагружены, между прочимъ, военными припасами, назначенными къ промѣну горцамъ. Тоже самое говорилъ Эвпаторійскій караванъ, Хаджи-Симе-Бобовичъ, имѣвшій частыя сношенія съ торговцами, промышленавшими въ прежнее время на восточныхъ берегахъ Чернаго моря. Онъ, между прочимъ, разсказалъ намъ довольно забавный анекдотъ. Одному Эвпаторійскому каравану, *Шауль-Чауцу*, вздумалось пуститься на промыселъ въ Абхазію. Пойманный и ограбленный какимъ-то Черкесскимъ наездникомъ, онъ уведенъ былъ въ горы и проданъ тамъ спаршинъ одного аула. По спа-

медленно, при измѣнившемся вѣтрѣ, всѣ посѣщенные нами берега, достигла Трбизонда и воротила послѣ того въ Ялт у.

роспи льпъ , его сочли неспособнымъ къ работѣ , и , чтобы не оставишь его совершенно праздымъ , поручили ему пасти спядо черепахъ . Этимъ важнымъ дѣломъ Шауль-Чауинъ занимался нѣсколько льпъ , пока наконецъ его хозяева сжалились надъ нимъ и подарили его одному торговцу-шкиперу , который отвезъ бѣдняка въ Крымъ .

Тихо и спокойно подвигались мы вдоль очаровательныхъ береговъ Абхази ; картины природы были такъ живы и разнообразны , что время летѣло для насъ незамѣтно . Мы прошли многія бухты и обогнули нѣсколько мысовъ , но не могли рассмотреть ихъ надлежащимъ образомъ , потому что день уходилъ такъ быстро , а ночь въ горахъ наступала такъ рано , что въ 8 часовъ вечера , все , лѣса и горы , и долины покрывались непроницаемой пеленою влажнаго тумана .

16-го Юля , Четвертокъ . — Все пространство отъ Геленджика до Гагры , заключающее въ себѣ , прямымъ путемъ , $159\frac{1}{2}$ миль , извѣстно очень мало , потому что немногіе путешественники посѣщали и описывали эти берега . Слѣдуя указаніямъ карты , мы догадывались , что проходимъ мимо бухтъ и мысовъ , именуемыхъ *Субатъ* , *Вардакъ* , *Малай* и проч. , но между ними были еще такъ много другихъ , менѣе извѣстныхъ , или безыменныхъ , что мы сомнѣвались даже въ точномъ обозначеніи этихъ плочекъ . Конечно , мореплавателямъ это извѣстно лучше ; что-же касается до насъ , то мы ограничивались только поверхностнымъ сличеніемъ карты съ мѣстностью .

Днемъ , на горахъ и у берега , всюду показывались пѣшіе и конные Черкесы , а ночью , у самой подошвы скалъ и горъ , вездѣ разложены были огни , составлявшіе родъ сигналовъ . Казалось , весь край былъ на стражѣ и наблюдалъ за нашимъ плаваніемъ .

Ночь съ 15-го на 16 е Юля такъ была сыра и холодна (въроятно опъ близости горъ), что все наше платье промокло; не смотря на то, все почти пассажиры спали на палубѣ и не получили простуды. По временамъ, изъ горныхъ ущелій врывался вихрь, и море, взволнованное этимъ порывомъ вѣтра, такъ сильно качало наши корветы и пароходъ, что канаты буксира едва держались на швартовѣ. Съ появленіемъ солнца, предъ нами расплывались прелестные виды Кавказа, и мы забывали о минуиномъ неудовольствіи почти, если можно назвать неудовольствіемъ эту заманчивую странность положенія, когда мы, отдѣленные опъ пучины одной полъко доскою, рядомъ съ огромнымъ, пылающимъ очагомъ, спали вблизи Кавказскихъ горъ, населенныхъ дикимъ, враждебнымъ народомъ. Съ каждымъ шагомъ, картины природы становятся разнообразіе, горы часъ-отъ-часу выше, такъ что каждый изъ насъ, направляя зрительныя трубки, невольно хватался за перо или карандашъ, чтобы замѣнить для будущности сладкія впечатленія настоящаго. Чѣмъ далѣе къ югу, тѣмъ обрабатываемыя земли и хорошія бухты становящіяся рѣже, а край все диче и диче.

Въ 10 $\frac{1}{2}$ часовъ утра, въ первый разъ открылась предъ нами большая цѣпь Кавказскихъ горъ. Съ благоговѣніемъ глядѣлъ я на этихъ современниковъ міроздавія. Кто изъ путешественниковъ не описывалъ этихъ поднебесныхъ вершинъ, покрытыхъ не тающимъ снѣгомъ; кто не удивлялся имъ? Сначала, эти горы показались мнѣ черными тучами: онѣ закрывали съ лѣвой стороны нашъ горизонтъ, но вершинъ ихъ не было видно. Можно судить объ огромности и пространствѣ даже пребрежныхъ горъ, когда для объѣзда одного холма, покрытаго спроевымъ лѣсомъ,

всплошь отъ вершины до моря, пароходъ употребилъ болѣе 3-хъ часовъ.

Въ 12½ часовъ, *Петръ Великій* остановился у входа въ открытую бухту; мы отдали буксиръ и, вмѣстѣ съ корветомъ, спали на якорѣ. Гляжу: что-то бывавшее, на подобіе гнѣзда прилѣплено къ подошвѣ горы, у самого берега. Въ сравненіи съ горами, это была такая ничтожная почка, что я не зналъ, какъ её назвать, и крайне изумился, узнавши, что это была крѣпость *Гагры* ⁽⁵⁾, защищающая весьма важное ущелье и входъ въ горы. Любопытство наше такъ возрасло, что мы, не смотря на душливый жаръ, выше 30° Р., поспѣшили на берегъ. Крѣпость, крейсерское судно, зашивавшее брандвахтенный постъ, и корветы *Ифигенія* размѣнялись между собою нѣсколькими выстрѣлами. Комендантъ вышелъ на встрѣчу путешественникамъ, и мы вступили въ Гагру. Она весьма похожа на постоялые дворы въ нашихъ степяхъ, если только прибавить къ этимъ дворамъ деревянныя башенки, съ пушками по 4-мъ угламъ. Стѣны состоятъ отчасти изъ палисадовъ и шуровъ, набитыхъ землею, и изъ остатковъ древняго зданія, кажется, монастырской ограды, сложенной изъ твердаго камня. Внутри крѣпости находятся нѣсколько деревянныхъ домовъ и казармы; по срединѣ же стоитъ весьма замѣчательное зданіе, служащее теперь вмѣсто цитадели, съ сторожевою башнею, для наблюденія за окрестностями; оно устроено изъ остатковъ какого-то древняго храма, кажется христіанскаго, судя по готическому ордену увѣльчанаго свода. Вся внутренность зданія черна какъ уголь. Стѣны приняли эполтъ цвѣтъ, вѣроятно, отъ сырости и древности, или же, быть мо-

(5) Смори рис. N 2-й.



Рис. Фацорди.

Лит. Висантии.

КРѢПОСТЬ ТАГРА .

На Восточномъ берегу Чернаго Моря

жесть, это слѣды какихъ нибудь языческихъ обрядовъ, совершаемыхъ дикими племенами горъ, которыя, не смотря на господство исламизма, приносятъ, по свидетельству путешественниковъ, свои жертвы и молитвы преимущественно въ развалинахъ христіанскихъ церквей и монастырей. Кромѣ стѣнъ, тамъ не осталось ничего, ни колоннъ, ни надписей, ни гробницъ. Надъ главнымъ входомъ храма, превращеннаго въ цитадель, на довольно высокой площадкѣ, росло огромное фиговое дерево, теперь уже усохшее; на самой же верхушкѣ зданія мы замѣтили молодыя грапаповыя деревья. При осмотрѣ крѣпости, графъ оштыскалъ, въ одной угловой башнѣ, осадную пушку съ Англійскою надписью и фирмою липейщика; внизу, подъ фирмою, помѣщена Турецкая надпись.

Намъ рассказывали, что это ущеліе одно изъ самыхъ опасныхъ и что гарнизонъ не можетъ сдать и шагъ въ крѣпости, безъ потери. Въ прошедшемъ году Гагра выдержала даже нѣкоторый родъ осады отъ горцевъ.

Въ 3 часа по полудни, мы пустились далѣе вдоль береговъ. Въ 4½ ч., поровнявшись съ какимъ-то постомъ нашимъ, который былъ еще менѣе Гагры, корветъ приблизился было къ берегу; однакожь, никто не съѣзжалъ на землю, и чрезъ часъ, мы снова оправились въ путь.

Видъ горъ спановицъ здѣсь еще величественнѣе; сегодня въ первый разъ, увидѣлъ я вершины ихъ, покрытыя вѣчнымъ снѣгомъ: онѣ немовѣрно прекрасны подъ вечеръ, когда солнце, освѣщая горизонтъ, ложится на нихъ въ послѣдній разъ. Въ виду такихъ горъ, въ 5½ часовъ вечера, мы стали на якорь въ бухтѣ небольшой, очень глубокой бухты, въ концѣ которой не было видно ничего, кромѣ лѣсу. Рядъ сосенъ покрывалъ песчаный берегъ, на которомъ солда-

шы выгружали провіантъ изъ одного транспортнаго судна. Два Абазинца (Абхазцы), вооруженные съ ногъ до головы, vanno продавали турецкіе огурцы; даље, какой-шо мальчишка, весь покрытый лохмотьями, съ винповкою на плечахъ и кинжаломъ у пояса, пастъ двѣ или три коровы.

Не смотря на все мое стараніе, я замедлил переправою, такъ что все путешественники ушли уже впередъ. Я думалъ, что мы насладимся здѣсь какимъ-нибудь предѣльнымъ видомъ горъ, скалъ и т. п.; но что могло сравниться съ моимъ археологическимъ изумленіемъ, когда въ версипѣ ошъ берега, между испанскими соснами и фиговыми деревьями, я увидѣлъ обширное, полуразрушенное зданіе, превращенное въ крѣпость, изъ за стѣнъ котораго красовался высокій куполь древней христіанской церкви, легкой Византійской архитектурѣ. Это была *Пицунда* ⁽⁶⁾, Русскій укрѣпленный постъ на р. Бзибѣ, не вдалекѣ ошъ впаденія ея въ море. Стѣны зданія сложены изъ огромныхъ камней и совершенно обросли не только мхомъ, но даже молодыми, гранатовыми и фиговыми, деревьями. Эта церковь привлекла все наше вниманіе: она вся почти сохранилась вполне; прочія же зданія стоятъ въ развалинахъ. Мы долго спорили, какому исповѣданію принадлежалъ этотъ храмъ? и, разумѣется, не рѣшили ничего. Одни (и такихъ было большинство, *majoritas votorum*), основываясь на Греческой стѣнной живописи; на алтарь и царскихъ вратахъ, полагали, что это Греческая церковь X-го или XI-го вѣка; другіе думали, что это Армянская церковь православнаго исповѣданія, судя по Грузинской или Армянской рукописи, найденной и сохраненной солдатами и писанной на пергаментной

(6) Смощри рис. N 3-й.



Гр. Н. Чернецовъ.

Дет. А. Бигачинъ.

Лит. Н. Анисимовъ.

ЦЕРКОВЬ ВЪ УКРѢПЛЕНИИ ПИЩУНДІЙ.

На Восточныхъ берегахъ Чернаго Моря

бумагъ (papier-parchemin), также по спрранному устройству иконостаса, и пр. Что же касается до меня, то я думаю, что это (ni fallor?) католическо-Армянская церковь, принадлежавшая *Готвейско-му* архіепископству *in partibus infidelium*, которое простиралось на Крымъ и Кавказскую страну. Она могла быть построена восточными римскими императорами, или монахами первыхъ вѣковъ христіанства, даже до раздѣленія церкви; впоследствии, Грузины измѣнили ее въ православный храмъ. На одномъ деревѣ мы нашли привѣщенный колоколь съ изображеніемъ католическаго епископа, въ полномъ облаченіи, однакожь безъ легенды, съ означеніемъ только МССССХХVІІІ года. На кровль и на самомъ куполѣ церкви растутъ разныя деревья: фиги, сосны, гранаты и даже розы. Внутри, нашелъ я множество надгробныхъ памятникъ изъ мрамора и песчанаго камня, безъ надписей, съ изображеніемъ только креста съ четырьмя расходящимися концами. Это первоначальная форма патриаршаго креста, которая впоследствии измѣнилась въ пятиконечный крестъ.

Государь Императоръ пожаловалъ значительную сумму для поддержанія этого прекраснаго храма. Извѣстный писатель, кавалеръ Гамба, рассказываетъ о Пицуидской церкви, по своему обыкновению, разныя небылицы (?). Признаться, я не могъ обратиться о ней никакихъ преданій, да и отъ кого?

(?) «Le monastère, qu'on trouve à l'extrémité du promontoire nord, est pour les Abazes musulmans, comme pour les Arméniens de cette contrée un objet de crainte et de vénération. Par suite de la superstition, à la quelle les abazes, comme tous les barbares, sont naturellement enclins, jusqu'ici les meubles, les ornemens d'église et les livres restés dans ce monastère, ont été respectés. Nul abaze, nul turc, nul armenien, attiré à la Pitzuande pour y échanger des sels contre des buits, dont elle est un des principaux marchés, n'oseroit y porter une main sacrilège.

» En 1821, un Arménien, que le commerce y avait amené,

Здѣсь во множествѣ растетъ какое-то *красное* дерево, принимающее полировку и довольно красное въ опдѣлкѣ. Солдаты продали намъ нѣсколько палокъ изъ этого дерева, и наши прекрасныя спущницы взяли даже цѣлыя доски, чшобъ заказать изъ нихъ мебель, въ Одессѣ. Это дерево называется намъ *нежной*; насполящаго же (техническаго) его имени не знаю. Пальма и лавръ здѣсь довольно обыкновенны. Дамы украсили лавромъ палубу корветта, свое жилище, и запаслись для Одессы огромными кусками пальмоваго дерева. Трудно описать все величiе растительности этихъ мѣстъ, которую можно назвать *Кавказскою*, чшобы придать ей циклопическое наименованiе.

Было уже 8 часовъ вечера, когда мы верошились на суда. Горы давно подернулись густымъ туманомъ, но воздухъ былъ нестерпимо жарокъ, и мы съ радостью встрѣтили прилетѣвшiй изъ ущелия вѣтерокъ. Съ трудомъ подняли мы якорь, лежавшiй на такой безмѣрной глубинѣ, какова въ бѣльшей части здѣшнихъ бухтъ. Но вотъ, изъ трубы хлынуло облако дыму, колеса зачѣпили море, и мы двинулись вдоль очарованныхъ береговъ этого малонаселеннаго рая.

17-го Юля, Пятница. — Мы очень сожалѣли, что ночь наступила такъ рано, потому что недалеко отъ Пицунды находился, какъ говорятъ, замѣчательное мѣсто, укрѣпленiе *Болборы*, занятое нашими войсками. Положено было осмолрѣть это мѣсто на обратномъ пути.

Отъ Геленджика до Пицунды считается, прѣ-

ayant enlevé deux feuillets d'un de ces livres, écrits dans un caractere, qui lui étoit inconnu, étoit à peine de retour à Souchoum-Kalé, ou il demeurait, qu'il fut attaqué de la fièvre, et il ne manqua pas de l'attribuer au larcin irreligieux, dont il s'étoit rendu coupable. *Vol. 1, pag. 70, 71.*

мымъ пушемъ, 175 миль. Мы прошли это пространство менѣе чѣмъ въ шрое сутокъ, оставаясь почти два раза на день; но, безъ великаго сомнѣнія, мы совершили вдвое больше миль, плывя извилинами, параллельно съ берегами.

Въ 4 часа утра, мы бросили якорь на рейдѣ, у крѣпости *Сухулб-Кале*, лежащей въ 40 мильхъ отъ Ницунды. Говорятъ, что это мѣсто получило свое наименованіе отъ зимнихъ загоповленій, которыя дѣлались здѣсь для продовольствія флота и назывались *сухулб* (?). На рейдѣ, мы нашли небольшую эскадру, состоящую изъ корветта *Пендеракля* и нѣсколькихъ мелкихъ судовъ. На берегу, съ одной стороны бухты, расположена была крѣпость, а съ другой карантинъ, гдѣ находилось и брандвахшенное судно. У входа въ крѣпость, мы замѣтили что-то похожее на кофейню. Тутъ же была таможенная стража и цѣлый рядъ лавокъ, въ которыхъ торговали Армяне, Мингрельцы и Абхазцы, въ самыхъ живописныхъ костюмахъ; особенно странны были ихъ головные уборы, похожіе то на женскіе токи среднихъ вѣковъ, то на капишоны католическихъ монаховъ ордена Св. Василія. Лавки очень бѣдны: небольшое количество съѣстныхъ припасовъ, русскія мануфактурныя издѣлія и самая малая часть горскихъ товаровъ составляютъ весь ихъ запасъ. Армяне и Грузинцы, en vairs enfans de l'Orient, продавали намъ гадкіе книжалы и поясы, цѣною, такъ сказать, не серебра, а золота. Одинъ Абхазецъ за простое русское огниво просилъ съ меня рубль серебромъ.

Наконецъ, мы подошли къ крѣпости. Въ свое время, она, вѣроятно, была довольно значительна, но теперь вся почти въ развалинахъ. Слѣды ея каменныя, Турецкой поспройки, съ ворошами на сводахъ и остатками амбразуръ. На однихъ ворошахъ находится мра-

морная доска съ Турецкою надписью, которую наши спутники-оріенталисты разобрали и перевели такимъ образомъ: «Визирь Ибрагимъ-паша, сераскирь. .. построилъ эту крѣпость, и проч.» Годъ эгирь соответствовалъ, кажется, 1703-му году отъ Р. Х. Здѣсь существуетъ небольшая деревянная церковь, въ которой отправляется богослуженіе. Монахъ *Наванайлѣ* встрѣтилъ путешественниковъ съ крестомъ и благословеніемъ. Онъ просилъ графа напомнить объ немъ митрополиту *Агаангелу* (пребывающему въ монастырѣ Св. Георгія, въ Крыму), по благословенію котораго онъ отправился въ эпоштъ отдаленный край.

Въ Сухумъ-Калѣ не было ничего замѣчательнаго, кромѣ огромнаго гранатоваго дерева, покрытаго прелестными цвѣтами. Крѣпость окружена лѣсомъ, расщипымъ на весьма низкихъ мѣстахъ, отъ чего, иногда, въ лѣшніе жары, страдаетъ здоровье гарнизона. Вода здѣсь очень дурна.

Въ 8 часовъ утра, мы подняли якорь и пошли далѣе. Здѣсь конецъ Абхазіи и начало Мингреліи; вмѣстѣ съ эшимъ рѣзко измѣняется картина мѣстоположенія: берегъ становится гораздо ниже, хотя все еще покрытъ свѣжимъ, густымъ лѣсомъ. Горы, достигнувъ, такъ сказать, совершеннаго своего величія, удаляются вглубь земель и видѣются только на краю горизонта; за-то, снѣжныя вершины главной цѣпи дѣлаются гораздо замѣшнѣе. Въ 11 часовъ, подулъ попутный вѣтеръ; корветъ поставилъ всѣ почти свои паруса, и *Петръ Великій*, почувствовавъ облегченіе, пустился въ путь съ обычной своей быстротою. Такое плаваніе (отъ 6-ти до 7½ узловъ въ часъ) продолжалось до 7 часовъ вечера. Все пространство, въ 65-ть миль, отъ Сухумъ-Кале до *Редутъ-Кале*, совершили мы въ 9½ часовъ, такъ-что въ 5½ часовъ по полудни наши суда были уже на рейдѣ эшой крѣпости. Не смо-

пря на шумъ колесъ и паровой машины, къ намъ доносился плескъ волнъ и буруновъ о песчаные берега : это еще болѣе удостовѣрило насъ въ опасности высадки, потому что здѣсь вовсе нѣтъ никакихъ пристаней, такъ что суда, при благопріятной погодѣ, могутъ только входить въ устья находящихся здѣсь рѣкъ. Эти трудности вскорѣ испытали мы на самыхъ себѣ.

Приблизившись къ Редуть-Калѣ, *Ифигенія* отдала буксиръ и спала на якорь, а пароходъ, не кидая своего якоря, держался близъ корветта, на паряхъ. Съ *Ифигеніи* спустили шлюпки, и, не смотря на жестокое волненіе, графъ, съ частью путешественниковъ, отправился къ берегу ; мы же, обитатели *Петра Великаго*, остались на его палубѣ и не видали Редуть-Кале также какъ и Анапы. Я замѣнилъ, что рейдъ, на пространствѣ 16-ти миль, имѣлъ видъ взболтанной, грязной, по бурной лужи ; такъ сильно было здѣсь впаденіе р. Коби, бѣгущей изъ среди горъ.

Графъ пробылъ въ крѣпости до темной ночи ; пароходъ, для принятія его на обратномъ пути, приблизился на значительное разстояніе къ берегу. Е. С. перешелъ послѣ того на корветтъ, и далъ позволеніе обоимъ судамъ оставаться на якоряхъ до 3-хъ часовъ утра.

Пассажиры, ѣздившіе съ графомъ, рассказывали о трудности, съ какою приходилось имъ входить на катерахъ въ р. Коби, замѣняющую пристань для крѣпости Редуть-Калѣ ; глубина этой рѣки не вездѣ одинакова, такъ-что руль шлюбки, не смотря на все искусство гребцовъ, не разъ касался песчаного дна. На рѣкѣ, близъ крѣпости, сполло нѣсколько купеческихъ судовъ, и шрое другихъ ожидали тихой погоды, чтобы войти туда-же. У крѣпости устроенъ базаръ, на подобіе видѣннаго нами въ Сухумъ-Кале, по торго-

мы здѣшная, сколько можно было замѣшпипь, весьма ничтожна. 18-го Юля, Суббота. — Съ вечера небо покрылось тучами; воздухъ былъ сыръ и душнливъ; съ горы неслись къ намъ сильные порывы вѣтра. Чтобы поддержать ослабѣвшія силы пароходнаго экипажа, съ корветшпа прислали къ намъ дюжину ловкихъ машпрозовъ.

Въ 10 $\frac{1}{2}$ часовъ по полудни пошелъ дождь. Это обстоятельство, вовсе не важное въ другое время и въ другомъ мѣсцѣ, было для насъ истиннымъ несчастьемъ. Пассажировъ на пароходѣ было очень много: вдвое болѣе по числу его каютъ; къ тому же половина изъ нихъ были больны отъ качки, и, не смотря на дурную погоду, не могли оставаться внизу. Между тѣмъ, дождь и зыбь частъ-отъ-часу увеличивались; мы спрадали вмѣстѣ съ пароходомъ, экипажъ котораго работалъ безъ очереди на палубѣ. Кинули другой якорь. Такъ прошло часа два. Около полуночи всѣ мы промокли до костей и отъ усталости по неволѣ начинали дремать, какъ вдругъ вниманіе наше было поражено извѣстьемъ: «насъ дрейфруетъ; пароходъ несетъ съ якорями на корветшп». Не обращая вниманія на дождь, всѣ собрались на шканцы, чтобы посмотреть вблизи на опасность. Корветшп, въ 20 или 30 сажеляхъ отъ насъ, сильно качало волненіемъ; онъ подымался такъ высоко, что одного его поцѣлуя было-бы достаточно, чтобы пароходъ проспился и съ этимъ моремъ, и съ міромъ. Сдѣлано все, что только можно было сдѣлать для избѣжанія опасности: на длинномъ канатѣ бросили третій якорь и, между тѣмъ, развели пары. Тогда мы вполнѣ убѣдились въ превосходствѣ пароходной машины. Въ 10 минутъ пары уже были готовы, и, когда послѣ неимовѣрныхъ трудовъ подняли якоря, пароходъ живо шпонулся съ мѣста

и опомелъ на приличное разстояние отъ столь опаснаго въ непогоду сосѣда, какъ *Ифигенія*.

До 4-хъ часовъ утра, таскались мы по рейду, ожидая пока всё будетъ готово. По данному сигналу, мы взяли корветтъ на буксиръ и пошли къ Попи (въ 10-ши миляхъ отъ Редуть-Кале), послѣдней Русской крѣпости на границѣ Мингрелии; за эшимъ рубежемъ начинается Анадолія.

Волненіе и бурувы не позволили намъ выйдти на берегъ. Изъ двухъ барказовъ, посланныхъ съ корветта, одинъ только, и то съ большимъ трудомъ, внесся вмѣстѣ съ бурунами на землю; другой ворошился, не увидѣвши Попи. Здѣсь устье знаменитаго Фазиса и конецъ Колхиды. Фазисъ, вливъ Ріонъ, нѣсколькими рукавами вливается въ море, которое, на пространствѣ 30 миль отъ берега, запружено плотъ, напесеннымъ съ горъ. Точно шакъ, какъ р. Коби у Редуть-Калѣ, Ріонъ служить здѣсь портомъ для крѣпости Попи. Посыланннй съ корветта офицеръ нашелъ тамъ нѣсколько купеческихъ судовъ, сполвшихъ въ рѣкѣ на якоряхъ.

Отъ Попи до Ялпы насчитали мы $47\frac{1}{4}$, а отъ Одессы 702 морскія мили. Все это пространство пройдено нами въ $9\frac{1}{2}$ сутокъ. Отсюда, мы должны были пуститься въ обратный путь.

Въ 10 часовъ утра, корветтъ далъ сигналъ: «взять на буксиръ и идти къ Ялпѣ по румбу NW». Мингомъ все было исполнено; мы повернули рулемъ и пошли въ море, хотя въ нѣкоторомъ отдаленіи отъ береговъ, по все еще не теряя ихъ изъ виду. Остальную часть дня, мы употребили на это плаваніе. Отъ вчерашняго дожда, отъ сильной качки и сырости, половина пассажировъ были нездоровы, разумѣется, до первой прекрасной погоды или перваго прекраснаго вида.

Всю ночь, мы провели въ открытомъ морѣ.

19-го Іюля, Воскресенье. — Въ 7 $\frac{1}{2}$ часовъ утра, на праверзѣ (по компасу) Сухумъ-Калѣ, въ морѣ, корветшъ далъ сигналъ остановить машину и спустить кашеръ. Опъ насъ позвали на совѣщаніе командира и машиниста парохода. Графъ опасался, чтобы буксированіе корветша не заняло слишкомъ много времени и чтобы не оказался недостатокъ въ угляхъ, опъ чего пароходъ, замедливши возвращеніемъ въ Одессу, могъ лишиться своихъ обычныхъ рейсовъ. Въ такомъ случаѣ хотѣли опсправить *Петра Великаго* въ Одессу и опстаться на *Ифигеніи* въ ожиданіи попутнаго вѣтра. Но это предположеніе измѣнилось: пайдено было, что угольевъ еще спанеть на проесупокъ, а корветшу трудно было бы полагаться на милость вѣтровъ, чему примѣръ мы видѣли на шкуиѣ *Вѣстосой*. Между тѣмъ рѣшено исполнить давно желанное посѣщеніе укрѣпленія *Болборѣ*, лежащаго между Пицуидою и Сухумъ-Кале, и на тамошнемъ рейдѣ осмотрѣть машину парохода, вѣроятно пострадавшую опъ продолжительнаго путешествія. Вслѣдствіе этого, мы повернули пароходъ къ Бомборамъ и медленно двинулись впередъ.

Въ 1 $\frac{1}{2}$ часъ по полудни мы бросили якорь въ виду *Болборѣ*, но въ такомъ опдаленіи опъ берега, что только опасность стоящъ въ беззащитной бухтѣ, волнуемой бурунами, могли извинить это въ нашихъ неопытныхъ глазахъ. Достигнуть земли, даже на легкихъ барказахъ, было очень трудно. Опсправленный впередъ штурманскій офицеръ, воротившись къ намъ, не совѣтовалъ пускаться на берегъ по причинѣ крайне затруднительной высадки. Не смотря на это, графъ и его общество, въ особенноти дамы, рѣшились попытаться. Немного потерпѣть, немного попугаться и забрызгать свое платье всплесками волнъ, все это

казалось роскошью въ сравненіи съ немилосердой скукою опытной сучковатой качки. И такъ, мы поѣхали. Барказы никакъ не могли пристать къ землѣ; въ это время когда сплывшіе на берегу люди держали канатами лодку, заливаемую поминутно водою, матрозы бросились въ море, и на плечахъ своихъ переносили насъ на землю, облитыхъ съ ногъ до головы соленою водою. Капитанъ *Ифигеніи*, чтобъ безопаснѣе перевезти дамъ на берегъ, самъ взявъ руль, и такъ искусно спустилъ свой яликъ, что онъ вмѣстѣ съ буруномъ ввнесся на берегъ и утѣлся на песку: дамы не замочили даже своихъ платьевъ.

На берегу нашли мы небольшой укрѣпленный постъ и нѣсколько лавокъ. Двѣ рѣчки, *Гудава* и *Обста*, впадаютъ здѣсь въ море весьма узкими ручейками. Направо отъ укрѣпленія, среди столѣтнихъ буковъ, находятся развалины какого-то храма незавидной наружности и, какъ кажется, не очень древней постройки. Отсюда комендантъ проводилъ насъ дальше въ лѣсъ до главной крѣпости, *Бомборъ*. Бомборы, какъ и прочія крѣпости на этихъ берегахъ, состоятъ изъ укрѣпленнаго села, обнесеннаго валомъ и ровомъ съ воротами и башнями. У входа въ крѣпость устроены базаръ, т. е. ряды лавокъ съ небольшимъ запасомъ товаровъ. Тамошніе купцы сказывали намъ, что въ Бомборахъ вовсе нѣтъ торговли, потому что горцы не заходятъ въ эти мѣста. Впрочемъ, мы нашли здѣсь цѣлыя толпы Абхазцевъ и Мингрельцевъ, въ самыхъ живописныхъ костюмахъ и вооруженныхъ точно какъ на битву. Даже паслухи, которыхъ мы встрѣтили подлѣ крѣпости, сперегшіе въ лѣсу стадо буйволовъ, были такъ вооружены, что ихъ можно было принять за какой-нибудь отрядъ, готовый къ битвѣ. Въ Бомборахъ мы нашли бригаднаго командира и довольно значительный гарнизонъ.

Мѣстоположеніе Бомборъ очаровательно; кругомъ, могучая растительность; горы и долины покрыты вѣковыми, совершенно зелеными лѣсами. Вдали видна была какая-то деревня съ церковью; намъ сказали, что это село *Соуксу*, жилище владѣтельнаго князя *Малой-Абхазіи*, *Михаила Шервашидзе*, котораго живешь здѣсь съ маперью и сеспрами; онъ служилъ въ нашей арміи, въ чинѣ полковника. Говорятъ, что онъ владѣетъ 4.000 семействъ изъ племени *Аланцевъ*, которые находясь въ вѣчной враждѣ съ другимъ горскимъ племенемъ, *Джегитали*. Къ намъ явился одинъ торговецъ, Грузинецъ, родомъ изъ Кутайса, ходившій въ этихъ горахъ, въ качествѣ драгомана, вмѣстѣ съ Гамбою. Онъ хорошо говоритъ на многихъ языкахъ, и очень учтиво продалъ намъ разныя бездѣлки за ужасную цѣну.

Въ Бомборахъ мы пробыли до 7 часовъ вечера, и проспавшись съ эпитимъ прелестнымъ краемъ. Возвращеніе на судъ было нѣсколько трудновато. Впрочемъ, все кончилось благополучно; мы снова выкупились въ водѣ бурюновъ; шумѣли, кричали, смѣялись и поздно уже сѣли на пароходъ.

Въ 9 часовъ вечера, *Петръ Великій* былъ осмотрѣнъ, совершенно исправленъ и изгопвленъ въ до-рогу. На немъ развели пары, и онъ подошелъ къ кор-вешу, чтобы взять его на буксиръ; но это не вдругъ было исполнено, потому что *Ифигенія* цѣлый часъ еще возилась съ своимъ якоремъ. Такимъ образомъ, мы пронулись съ мѣста не прежде 11-го часа, и нѣсколько времени шли еще въ виду береговъ.

20-го Іюля, Понедѣльникъ. — Мы плыли всю ночь. Съ восходомъ солнца видѣлись еще берега, постепенно темнѣя и будто скрываясь въ туманъ, такъ что мы не могли уже различать мѣстностей. Скорость пупи мы считали по лоху (lock) и компасу. Богъ знаетъ, вѣренъ-ли расчетъ перваго на паровомъ суднѣ,

попому-что печеніе воды, волнуемой колесами, несравненно быспрѣе, и лохъ долженъ уноситься съ ббльшею скоростію. Впрочемъ, это замѣчаніе непосвященнаго въ тайны морской науки.

И такъ, по расчету, въ 8 часовъ утра мы были на праверзѣ мыса *Адлеръ*, а въ 12½ час. на праверзѣ м. *Малай*; здѣсь, мы совершенно покинули восточные берега, взявши путь болѣе къ W, т. е. прямо къ Ялтѣ. Въ 4 часа по полудни вѣсперъ сдѣлался благопріятнѣе; корвешпъ поставилъ всѣ почли свои паруса, и шелъ вмѣстѣ съ нами такъ быстро, что перазъ, съ порывами вѣпра, набѣгалъ на самое опасно-близкое разстояніе къ пароходу. Въ 8 часовъ вечера, Кавказскіе берега совершенно исчезли. Попупный вѣсперъ дулъ по прежнему, и быстрое плаваніе обоихъ судовъ продолжалось во всю ночь.

21-го Іюля, Вторникъ. — Цѣлыя сущки плаванія вполне ознакомили насъ съ морской жизнию, или лучше сказать, съ *misères de la vie maritime*. Сначала, вѣсперъ былъ благопріятенъ, и мы шли довольно успѣшно, такъ, что въ полночь, по расчету, могли уже быть на праверзѣ Анапы. Векоръ вѣсперъ усилился, угрожая намъ шкваломъ; однакожъ, эша буря, вѣрояпно, разразилась въ другомъ мѣспѣ, и намъ достались только ея послѣдствія, т. е. качка, кошорая увеличилась до шакой степени, что пароходъ и корвешпъ, какъ ложкою, зачерпывали воду своими носами. При всемъ томъ, на пароходъ никшо не заболѣлъ отъ качки; такъ уже мы свыклись съ корабельной жизнию.

Это непріятное и немовѣрно медленое плаваніе (отъ 1-й до 2-хъ миль въ часѣ) продолжалось весь день и половину ночи.

22-го Іюля, Средд. — Въ ночь, вѣсперъ нѣсколько измѣнился и уменьшилъ волненіе и качку.

Ифигенія, чрезвычайно замедлявшая своимъ сопутствіемъ ходъ *Петра Великаго*, употребила все свои усилія, чшобы помочь его горю; она спавила по очереди все почти паруса, начиная отъ брамселей до лиселей, и пр., но все напрасно: мы шли по прежнему, медленно подвигаясь впередъ. Завидѣвши Крымскіе берега, еще съ раннего утра, мы достигли ихъ едва только въ 6 часовъ по полудни.

Такимъ образомъ, 22-го Іюля, въ 7-мь часовъ вечера, графъ М. С. Воронцовъ окончилъ свое путешествіе къ восточныхъ берегамъ Чернаго моря. При громъ орудій съ корветта *Ифигенія* и шкуны *Голубка* графъ съѣлъ на шлюбку и прибылъ въ Ялту гдѣ онъ и остается на-время. Пароходъ спалъ здѣсь на якорѣ, чшобы запасшись всемъ необходимымъ, собрать пассажировъ и пуститься послѣ того въ обратный путь къ Одессѣ. Мы не нашли здѣсь шкуны *Востовой* и не имѣемъ объ ней никакой вѣсти.

23-го Іюля, Четвертокъ. — Ровно въ 12 часовъ пароходъ *Петръ Великій* проснулся съ корветомъ и пошелъ въ Одессу, гдѣ съ такимъ нетерпѣніемъ ожидали его возвращенія и вѣстей о графѣ и его 40 спутникахъ. Погода была довольно благоприятна, и пароходъ быстро мчался вдоль Крымскихъ, или сѣверо-восточныхъ береговъ Чернаго моря.

24-го Іюля, Пятница. — Въ 1½ ч. по полуночи *Петръ Великій* былъ на праверзѣ Тарханкутскаго маяка, а въ 6 часовъ утра въ 75-ти миляхъ отъ Одессы. Въ 11½ часовъ явился вдали Одесскій маякъ и соседніе съ нимъ берега, а въ 2 часа по полудни мы привѣтствовали многими пушечными выстрѣлами памятные для каждаго изъ насъ хутора... Наконецъ, въ 3 часа, при многочисленномъ стеченіи народа, пароходъ спалъ на якорѣ въ Одесской практической гавани, послѣ 16-ти-дневнаго отсутствія изъ Одессы.

Такъ совершилъ свое плаваніе пароходъ *Петръ Великій*, снискавши себѣ еще большее уваженіе, попому-что, не смотря на прошивные вѣтры, на излишній грузъ и буксировку 24-хъ-пушечнаго корветша, онъ безъ малѣйшаго поврежденія прошелъ, въ теченіе 15-ти сутокъ, около 1.400 миль, болѣе 20-ти разъ оспавиваясь, по желанію графа, у разныхъ бухтъ и портовъ. Спустия три дня по возвращеніи въ Одессу, онъ снова нагружился разными товарами, взялъ пассажировъ и началъ свои обычные рейсы къ Таврическимъ берегамъ.

(Изъ Одесскаго Вѣстника.)

5-го Августа, 1836.



Отд. II.